

*Преподобному Доктору Кальвину О. Баттсу III,
священнику Абиссинской баптистской церкви,
Нью-Йорк, посвящается*

Светлой памяти Ли Бувье Радзивилл

*Как я смогла это преодолеть,
как я смогла это преодолеть.
Моя душа оглядывается и задается вопросом,
как же я смогла это преодолеть.*

КЛАРА БОРД

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	11
I	19
II	33
III	43
IV	63
V	89
VI	95
VII	113
VIII	127
IX	139
X	151
XI	167
XII	179
XIII	199
XIV	207
XV	221
XVI	229
XVII	239
XVIII	247
XIX	251
XX	263
СПИСОК САМЫХ СТИЛЬНО ОДЕТЫХ	285
БЛАГОДАРНОСТЬ	294
ФОТОГРАФИИ, ИСТОЧНИКИ	297
ОБ АВТОРЕ	299

ПРЕДИСЛОВИЕ

За более чем четыре десятилетия я побывал во множестве поездок с журналом Vogue и его главным редактором Анной Винтур, самым влиятельным человеком в мире моды. Я тоже обладал определенным влиянием, был хорошо известен и выступал ревностным поборником моды и стиля.

Vogue стал моим источником вдохновения еще в подростковом возрасте. В то время как другие ребята расклеивали на стенах фотографии своих бейсбольных кумиров, моя комната пестрела страницами из самого авторитетного модного журнала. Но, будучи двенадцатилетним подростком, который рос в условиях сегрегации на юге страны, я даже в самых смелых фантазиях не мог вообразить, что темнокожий мужчина способен играть хоть какую-то роль в этом мире. Путь, который я прошел, который *мы прошли* за эти годы, поистине поразительный.

И тем не менее очень многое, конечно же, еще предстоит сделать.

Я пишу эти строки под впечатлением от обложки сентябрьского номера Vogue 2018 года. На ней — Бейонсе Ноулз-Картер, и в каком-то смысле это еще одна фотография из огромного списка, которая в результате кропотливой работы стала обложкой Vogue. И все же она стоит особняком.

Этот снимок и тот контекст, который в нем заложен, невероятно важны и значимы. Когда смотришь на нее, зная, что Анна Винтур, чей утонченный вкус определял стиль Vogue на протяжении десятилетий, предоставила Бейонсе полную свободу творчества в работе над обложкой и центральным материалом номера, то начинаешь понимать всю важность этого события. И это *сентябрьский*, а значит, ключевой номер года! Бейонсе

представляет собой потрясающий сгусток таланта и энергии. Она не вмещается в культурные стандарты, определяющие *Vogue*; она сама задает стандарты.

Когда я впервые увидел эту обложку, я знал, что за ней стоит целая история. Выбранный с подачи Бейонсе двадцатитрехлетний Тайлер Митчелл стал первым темнокожим фотографом, снявшим обложку *Vogue*, за сто двадцать пять лет истории этого журнала, одного из самых престижных в мире.

Это не дорогая студийная съемка: Бейонсе стоит где-то на лужайке, фоном служит белое полотно на веревке, похожее на недавно постиранное белье. Сложная конструкция из цветов в прическе в стиле рококо, длинное лаконичное платье от Gucci, естественный макияж, увлажненная кожа. Ее колени обнажены, но сведены вместе — никаких намеков или откровенной сексуальности.

У меня этот образ пробуждает воспоминания о сохнувшем на свежем воздухе белье. В работе Митчелла есть ассоциации с прачкой, этой представительницей исчезнувшей профессии, доставлявшей белоснежное белье в большой белый дом белого господина. Свежесть и безупречная белизна. Вспоминается и Сисели Тайсон в фильме «Саундер», зарабатывавшая деньги, чтобы прокормить свою семью. На память приходят и мои бабушка с прабабушкой, согбенные над еженедельной стиркой — одной из их многочисленных обязанностей — и падавшие с ног от усталости, ибо они свято верили, что «чистота стоит рядом с благочестием» и это часть смиренного образа жизни.

Во всем своем великолепии эта белая простыня символизирует столько-ких темнокожих женщин, знающих цену своей красоте, но вынужденных зарабатывать стиркой, чтобы прокормить свои семьи. Для меня она черная. Черная по своей сути. Черная с особым стилем.

Как метко заметил Митчелл в интервью *Vogue*, посвященном этой съемке: «К темнокожим людям так долго относились как к вещам».

Я усматриваю здесь влияние Кары Уокер, Элис Уокер, Зоры Нил Херстон, а также тысяч безымянных матерей и горничных, для которых стирка — способ выжить. Меня это восхищает. Свежий, беспрецедентный, не имеющий аналогов в истории обложек *Vogue* сюжет.

Знание — это сила. В продолжение темы на страницах *Vogue* Бейонсе пишет о том, как, изучая свою родословную, обнаружила, что является потомком рабов. Это своего рода эволюция и даже скорее революция. Она

описывает, как мучительно пыталась восстановить форму после рождения первого ребенка и как после появления на свет близнецов приняла свой выпирающий живот и более полные руки. Будучи темнокожей женщиной, она вдохновит людей.

Единственный раз, когда Бейонсе появлялась на обложке *Vogue* до этого, сопутствующей статьи в номере не было. Она тогда хотела сама у себя взять интервью, но ей не позволили. В *этом* раз, в 2018-м, она полностью контролировала творческую составляющую, впервые предложив кандидатуру темнокожего американского фотографа для съемок обложки и рассказав свою историю для номера так, как считала нужным. Бейонсе может это сделать, потому что она самая популярная женщина в мире. И она так поступает, потому что... Почему? Да потому, что она прекрасно знает, каково это — быть черной женщиной или черным мужчиной в этой стране.

Мы изо всех сил пытаемся выстоять и преодолеть веками укоренившееся превосходство белых, неравенство и несправедливость во всех аспектах жизни в великой Америке.

Я с чувством гордости написал статью для воскресного номера *Washington Post* о культурном значении обложки Бейонсе. После ее публикации я отправил ссылку на статью Сьюзан Плейджмен, издателю *Vogue*. Она пришла в восторг и разослала ее всем ведущим редакторам издательства *Condé Nast*, включая Анну Винтур.

Ни один из этих редакторов не написал мне. От Анны Винтур не пришло даже короткого имейла.

Редакторы, с которыми я работал на протяжении десятилетий, не осознали всей важности случившегося, так как просто не способны на это. Никто из моих современников не видел мир глазами чернокожего.

Долгое время я оставался единственным представителем своей расы в высших эшелонах фэшн-журналистики, но я был слишком занят делом, которому посвящал все время, чтобы задумываться об ответственности, налагаемой этой ролью. Меня переполняют воспоминания, и сейчас я считаю своим долгом рассказать историю о том, как темнокожий мужчина выжил в шифоновых окопах и вышел победителем.

Несмотря на то что многое изменилось к лучшему, я все еще прекрасно осознаю, что в этой стране я черный. А также что человек с моим цветом кожи должен работать в тысячу раз усерднее, чтобы претворить в жизнь пресловутую американскую мечту. Я знаю, что, просыпаясь утром в этой стране, темнокожий мужчина — вне зависимости от степени сво-

ей успешности или неуспешности — будет делать то, что предопределяет его расовая принадлежность, и продвинется настолько далеко, насколько она позволит. Независимо от рода деятельности или положения, от того, какую карьеру вы выбираете, будучи темнокожим, вы каждый день находите подтверждение тому, что наша страна была основана на ложных представлениях и чванстве расистов и рабовладельцев. Вас не покидает мысль: «Только по милости Божьей я иду»¹.

Расизм проникает под кожу как неизменная данность, как постоянная реальность. Он вплетен в полотно нашего существования.

Корнел Уэст говорит, что мы блюзовая культура. Мы сочиняем блюз, просыпаясь каждое утро. «Доброе утро, боль души. Я встаю. Да, я встаю, слава Богу!»²

Надежда умирает последней. Ты должен подняться и начать творить свои собственные чудеса — и так каждый день. Я прошел по жизни, опираясь на силу надежды, память о моих предках и безусловную любовь тех, кто мне ее дарил. Даже когда на небе нет солнца, в моей жизни есть солнечный свет. Надеяться просто необходимо. Это словно пройти по канату — опасно и рискованно, и все же нужно встать и сделать первый шаг.

Возрадуемся Бейонсе и ее черной коже, возрадуемся Тайлеру Митчеллу и его черной коже, а также всем поколениям, стоящим за ними. Я испытываю невыразимую радость от этого поворотного момента в истории и за будущее моды.

Нельзя недооценивать силу знания. Когда люди обращаются ко мне за советом, я отвечаю им две вещи: «Никогда не предавайте свою мечту» и «Прилежно делайте свою домашнюю работу». Под домашней работой можно подразумевать многое, но делайте ее по жизни. Стиль откроет для вас любые двери; обстоятельность и знания позволят вам достичь новых горизонтов. Глубокие знания — самый главный ресурс, позволивший мне подняться по карьерной лестнице до той точки, где я нахожусь. Реки глубоки, горы высоки³. Именно знания свели меня с людьми, которые сыграли важную роль в моей жизни. На протяжении всей карьеры дизайнерам

¹Строка из песни «There But for the Grace of God Go I» из альбома «Outta Here» группы The Gories.

²Автор имеет в виду песню «Good Morning Heartache», написанную Ирине Хиггинботэм, Эрвином Дрейком и Дэном Фишером и вошедшую в репертуар американской певицы Билли Холидей.

³Автор ссылается на песню «River Deep — Mountain High» Айка и Тины Тернер, которая, по версии журнала Rolling Stone, вошла в список 500 величайших песен всех времен.

нравилось общаться со мной, потому что я учился, учился и учился и стремился узнать как можно больше.

Не все шло гладко, часто приходилось плыть сквозь шторм. Но мне встречались доброта и люди, близкие по духу, и это открывало для меня новые возможности.

Я успешно пробирался по шифоновым окопам, и надеюсь, что вы сочтете мой путь смелым и решительным. Сейчас мне за семьдесят, но мой мозг работает как в двадцать девять. Я похож на огромный галеон, пострадавший во множестве битв и медленно плывущий в гавань. И все же я не сдаюсь и продолжаю ясно и уважительно озвучивать свою позицию. Я никому не кланяюсь и прокладываю свой путь, опираясь на воспоминания о том хорошем, что было в жизни, которая все еще не закончилась. Прошлое делает меня сильным.

I

Я родился в ныне снесенной больнице на окраине уважаемого района Джорджтаун в Вашингтоне, округ Колумбия. Через два месяца после моего рождения родители Альма и Вильям Кэрролл Телли отвезли меня в дом бабушки в городе Дарем, штат Северная Каролина, который является центром табачной промышленности. Мои родители были молоды, и, как это повелось в темнокожих семьях Юга, было решено, что я буду жить у бабушки Бенни Фрэнсис Дэвис, пока мать и отец строят карьеру в столице. Я называл бабушку Мамулей.

Мы с Мамулей жили вместе с моей прабабушкой, ее звали Чайна. Овдовев, они управляли домашним хозяйством совместно, основываясь на принципах дисциплины, веры в Бога и поддержания быта на должном уровне. Их доход складывался из двух пенсий, зарплаты бабушки от подработки домашней прислугой в мужском кампусе Университета Дьюка и того, что присылали мои родители. У меня, хотя я еще был ребенком, тоже были свои обязанности: вытирать пыль, убирать уголь из печей, собирать растопку в сарае, мыть посуду после еды.

Важную, очень важную роль в жизни играла церковь: воскресная школа, изучение Библии на каникулах, празднование возвращения домой после учебы, крещение в заполнявшемся водой во время дождей бетонном бассейне, сооруженном за кладбищем в церковном дворе.

Я ходил в начальную школу Лион-парка, которая находилась на той же улице, что и наш дом. Мои любимые двоюродные братья были моими лучшими друзьями, нас многое связывало. В основном мне удавалось избегать жестокой травли в школе и в округе. Но я хорошо помню, как